

И Э Н М А К Ь Ю Э Н

ИЭН
МАКЬЮЭН

ЦЕМЕНТНЫЙ САД

Москва
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М17

Ian McEwan

THE CEMENT GARDEN

Copyright © Ian McEwan 1978

Перевод с английского *Наталии Холмогоровой*

В оформлении обложки используется иллюстрация
художника © ANTONELLO SILVERINI

Макьюэн, Иэн.

М17 Цементный сад / Иэн Макьюэн ; [пер. с англ.
Н. Холмогоровой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 192 с.

ISBN 978-5-04-097406-1

«Цементный сад» — своего рода переходное звено от «Повелителя мух» Уильяма Голдинга к «Стране приливов» Митча Каллина. Здесь Макьюэн кинематографично предлагает свою версию того, что может случиться с детьми, если их оставить одних без присмотра. Навсегда.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Холмогорова Н., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-097406-1 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Я не убивал своего отца. И все же порой мне кажется, что я подтолкнул его к гибели. Хотя его смерть случилась в период моего взросления, событие это было незначительным по сравнению с тем, что произошло потом.

Отец остался в моей памяти болезненным, раздражительным и настырным, с желтизной в лице и в руках. Разговаривая о нем через неделю после похорон, мы с сестрами вспомнили, как санитары «Скорой помощи» накрыли его красным одеялом и понесли прочь, и Сью разрыдалась. О его смерти я рассказываю лишь для того, чтобы стало понятно, откуда мы с сестрами взяли столько цемента.

Как-то раз в начале моего четырнадцатого лета перед нашим домом остановился грузовик. Я в это время сидел на верхней ступеньке крыльца и перечитывал комикс. Водитель и еще один человек вышли из машины и направились ко мне. Их лица покрывал слой бледной пыли, отчего оба походили на привидений. И тот и другой пронзительно насвистывали два совершенно разных мотива. Я вскочил и спрятал комикс за спину, остро доса-

дую на то, что в руках у меня нет отцовской газеты, раскрытой на репортаже со скачек или хотя бы с футбольного матча.

— Цемент? — вопросительно произнес один из них.

Я сунул большие пальцы рук в карманы, перенес вес на одну ногу и чуть прищурился. Очень хотелось ответить коротко, сухо и по делу, однако я не был уверен, что правильно расслышал вопрос. Пауза затянулась. Тот, что обращался ко мне, завел глаза к небу и, уперев руки в бока, уставился на дверь за моей спиной. Дверь отворилась, вышел отец с блокнотом в руках и с трубкой во рту.

— Цемент, — повторил незнакомец, на сей раз утвердительно.

Отец кивнул. Я сунул комикс в задний карман и зашагал следом за тремя мужчинами к грузовику. Отец, приподнявшись на цыпочки, заглянул в кузов, вынул трубку изо рта и снова кивнул. Второй незнакомец, тот, что молчал, взялся рукой за стальной штырь сбоку кузова и резко дернул вниз. Один из бортов с лязгом открылся. В глубине кузова лежали в два слоя бумажные мешки, туго набитые цементом. Отец пересчитал их, заглянул в блокнот и сказал:

— Пятнадцать.

Такая манера говорить мне очень понравилась, и я повторил про себя: «Пятнадцать». Промычав что-то в знак согласия, рабочие взвалили на плечи по мешку и понесли их к дому. Теперь я шел впе-

реди, а отец — прямо за мной. Завернув за угол, он указал влажным мундштуком трубки на угольную яму. Рабочие сбросили мешки в подвал и пошли к грузовику за следующей партией. Отец что-то отметил в блокноте карандашом, свисавшим с корешка на веревочке. Затем принялся в ожидании покачиваться на каблуках. Я прислонился к забору. Зачем отцу понадобился цемент, я не знал, но не собирался признаваться в своем неведении. Вместе с отцом я считал мешки, а когда разгрузка закончилась, пристроился рядом и смотрел, как он подписывает квитанцию. Не сказав ни слова, мы вернулись в дом.

Вечером, когда мы еще не вышли из-за стола, родители поссорились из-за мешков с цементом. Мать, обычно тихая и спокойная, пришла в ярость. Она требовала, чтобы отец отослал их обратно. Пока она говорила, отец перочинным ножом счищал копоть с черенка трубки прямо в тарелку с едва тронутым ужином. Он отлично умел использовать против матери трубку. Мать говорила, что у нас совсем нет денег, а Тому скоро в школу, и, значит, нужно его одеть. Отец вставил трубку в зубы, где она смотрелась как-то привычнее, и перебил мать.

— Не может быть и речи, — сказал он, — о том, чтобы отослать мешки назад. Все, разговор окончен.

Я видел грузовик, и тяжелые мешки, и рабочих, которые их привезли, и ясно понимал, что

он прав. Но как же самодовольно и глупо выглядел он сейчас, когда, снова вынув трубку изо рта, обвиняюще ткнул мундштуком в сторону матери. Она уже чуть ли не задыхалась от гнева. Мы с Джули и Сью выскользнули из-за стола, взбежали наверх, в спальню Джули, и закрыли дверь. Голос матери, то громче, то тише, доносился и сюда, но слов мы уже не слышали.

Пока Джули придвигала к двери стул, Сью повалилась на кровать, хихикая и зажимая рот кулачками. Вдвоем мы быстро сорвали с нее одежду. Когда мы стягивали с нее трусы, наши руки соприкоснулись. Сью была совсем тоненькой. Кожа плотно обтягивала ребра, а тугие мускулистые ягодички странно напоминали лопатки. Между ног у нее уже золотился нежный пушок. Мы играли в ученых, исследующих неизвестное существо из космоса: перебрасывались репликами с немецким акцентом и многозначительно переглядывались над распростертым нагим телом. Снизу доносился голос матери, усталый и настойчивый. Высокие скулы придавали взгляду Джули странное, загадочное выражение, словно у редкого дикого зверя. В электрическом свете глаза ее казались огромными и совсем черными. Сейчас, чтобы скрыть улыбку, ей пришлось надуть губы. Я страстно мечтал исследовать старшую сестру, но этого не позволяли правила игры.

— Итак, коллега?

Мы повернули Сью на бок, а затем на живот. Мы гладили ее спину и бедра, заглядывали с фонариком в рот и между ног, где уже расцвел крохотный цветок плоти.

— Что скажете, герр доктор?

Послюнив палец, Джули погладила бутон — и по спине Сью пробежала легкая дрожь. Я смотрел не отрываясь. Потом сам послюнил палец и сделал то же самое.

— Ничего особенного, — сказала она наконец, прикрыв двумя пальцами узкую шелку. — Но мы будем продолжать исследования?

Сью умоляла нас продолжать. Мы с Джули многозначительно переглянулись — двое невежд, воображающих, будто им что-то известно.

— Теперь твоя очередь, — сказал я.

— Ну нет, — как всегда, ответила она. — Теперь ты.

Сью, уже перевернувшись на спину, просила:

— Ну еще немножко!

Я отошел от кровати, поднял с пола юбку Сью и бросил ей.

— Об этом не может быть и речи, — отрезал я, сжимая в зубах воображаемую трубку. — Все, разговор окончен.

Я заперся в ванной и присел на край, спустив трусы до колен. Думая о загорелых пальцах Джули между ног Сью, я довел себя до быстрого, острого спазма наслаждения и, только когда он прошел, вдруг заметил, что голоса внизу давно уже стихли.

На следующее утро мы с братишкой Томом пошли в подвал, большой и неизвестно зачем разделенный на множество отсеков и кладовок. Пока мы с ним спускались по каменной лестнице, Том боязливо жался ко мне. Он уже слышал о мешках с цементом и желал на них взглянуть.

Угольная яма примыкала к самой большой кладовке, здесь еще оставался уголь с прошлого года, и все мешки тут не поместились — часть из них валялась на полу. У стены стоял массивный оловянный сундук, имевший какое-то отношение к краткому пребыванию отца в армии. С некоторого времени в него складывали кокс, чтобы не смешивать его с углем. Том захотел заглянуть внутрь, и я поднял крышку. Сундук пустовал, и в нем было так темно, что не видно дна. Том схватился за край сундука и крикнул: «Эгей!» — воображая, что стоит на краю пропасти и сейчас до него донесется эхо. Ничего не услышав в ответ, он захотел посмотреть остальные кладовки. Я повел его к той, что ближе к лестнице. Дверь здесь едва держалась в петлях: стоило мне ее толкнуть — и она отлетела. Том расхохотался, и его смех эхом понесся по коридору. Здесь стояли картонные коробки с какой-то заплесневелой одеждой. Том нашел несколько своих старых игрушек, презрительно пнул их ногой и сказал, что они для маленьких. За дверью нами была обнаружена старая детская кроватка, в которой в свое время спали мы все. Том потребовал собрать ее, а я ответил ему, что кроватка уж точно для маленьких.

У лестницы мы увидели отца: он спускался вниз.

— Пойдем-ка, — сказал он мне, — помоги мне с мешками.

Я пошел вслед за ним в большую кладовку. Том прятался у меня за спиной: отца он побаивался. Недавно Джули сказала мне, что, с тех пор как папа стал почти инвалидом, он борется с Томом за мамино внимание. Ее слова меня так поразили, что я надолго об этом задумался. Так просто — и так чудно: взрослый мужчина соперничает с маленьким мальчиком. Позже я спросил Джули, кто же побеждает, и она не задумываясь ответила:

— Конечно, Том — за это ему от папы и достается.

С Томом отец был суров и то и дело к нему придирался. Он использовал против него маму так же, как против нее — свою трубку. «Не смей так разговаривать с матерью», — говорил он. Или: «Сядь прямо, когда мать с тобой разговаривает». Она молчала, но, если после этого папа выходил из комнаты, тут же улыбалась Тому или приглаживала ему волосы.

Теперь Том, стоя в дверях, смотрел, как мы волочим мешки по полу, укладывая их вдоль стены в два ровных ряда. Врачи запретили отцу после сердечного приступа таскать тяжести, но я все-таки следил, чтобы он поднимал не меньше меня. Когда мы наклонились и взялись за углы мешка, было видно, что он медлит, выжидая, когда я взвалю на

себя всю тяжесть. Но я сказал: «Раз, два, взяли!» — и приподнял свой край, лишь когда почувствовал, как напряглась его рука. Если хочет, чтобы я делал больше, думал я, пусть скажет это вслух. Закончив, мы выпрямились и оглядели свою работу. Отец оперся рукой о стену, грудь его тяжело вздымалась. Я, стоя в небрежной позе, старался дышать через нос так легко, как только мог, хотя от этого у меня и кружилась голова.

— Зачем они нам? — Теперь я чувствовал, что имею право задать этот вопрос.

— Для сада, — тяжело выдохнул отец.

Я ждал, может быть, он добавит еще что-то, но, помолчав, отец двинулся прочь. У дверей поймал за руку Тома.

— Посмотри на свои руки! — рявкнул он, не замечая, что сам грязной ладонью испачкал ему рубашку. — Ну-ка быстро наверх!

Я задержался, чтобы выключить свет. Услышав (по крайней мере, так мне показалось) щелчки выключателей, отец остановился у лестницы и желчным тоном напомнил, чтобы я потушил все лампы, прежде чем идти наверх.

— Уже потушил! — огрызнулся я. Но он меня не слышал: надрывно кашляя, он поднимался по лестнице.

Свой садик отец не столько растил, сколько усовершенствовал — в соответствии с чертежами, которые время от времени по вечерам раскладывал на

кухонном столе, позволяя нам заглянуть ему через плечо. Здесь были узкие, мощенные булыжником дорожки; огибаая клумбы, они выписывали удивительные кренделя, расположенные всего в нескольких футах друг от друга. Одна дорожка поднималась на каменную горку спиралью, словно горная тропа. Однажды, увидев, как Том лезет на горку напрямик, карабкаясь по изгибам дорожки, словно по лестничным ступеням, отец прямо взбесился.

— А ну-ка поднимайся как следует! — гаркнул он, высунувшись из кухонного окна.

Была здесь лужайка размером с карточный столик, приподнятая на пару футов над кучей камней. По краю лужайки как раз оставалось место для одного ряда ноготков. Отец упорно называл это висячим садом. В самом его центре располагалась гипсовая статуя танцующего Пана. То тут, то там внезапно возникали лесенки и уступы, ведущие то вверх, то вниз. Был здесь и прудик с голубым пластмассовым дном. Однажды отец принес домой в пакете двух золотых рыбок. В тот же день их склевали птицы. На узких дорожках немудрено было потерять равновесие и свалиться прямо в клумбу. Цветы отец подбирал по компактности и симметричности. Больше всего ему нравились тюльпаны: ими он засадил весь сад. Ни кустов, ни роз, ни плюща отец не любил. Вообще здесь не было ничего вьющегося.

Дома по обе стороны от нашего стояли пустыми, и летом неухоженные сады буйно зарастали